

Осколок гранита в белом платке

Россия, - 1994. - 8 июня. - с. 10.

**...Курчавые
волосы, ясное,
одухотворенное
лицо. Пушкин!
При взгляде
на эту скульптуру
невольно приходит
на память
знаменитое
полотно
В.Тропинина.**

Да, портрет поэта работы Тропинина действительно был для наших скульпторов одним из главных «пособий» при работе над памятником, - говорит известный в Китае ученый-литературовед Ли Ючжэнь.

Мы стоим с профессором Ли на площади Пушкина, что в юго-западной части Шанхая. За несколько дней пребывания в этом 12-миллионном городе я начал привыкать к бурному, стремительному темпу здешней жизни, который определяет немолчно грохочущий порт, потоки машин и велосипедов в ушелях шумных улиц, неоновая вакханалия реклам на зданиях отелей, на штаб-квартирах бесчисленных компаний и фирм. Но есть, оказывается, и другой Шанхай, где стоят

небольшие, крытые серой черепицей дома, где улицы почти пустынные, а в тенистых парках поблескивают в зеленоватой воде прудов золотые рыбки. В одном из таких районов и расположена площадь Пушкина, вблизи которой селились когда-то многие русские эмигранты, выброшенные на чужбину штормами революции, ужасами гражданской войны.

кий праздник, а когда-то - мой...» В 1937 году, когда отмечалось 100-летие со дня гибели Пушкина, группа эмигрантов-россиян предложила провести сбор средств на сооружение памятника великому поэту.

Нужную сумму собрали быстро, весной 1937 года памятник был открыт, - вспоминает Ли Ючжэнь. - Но простоял он недолго: летом того же года японские милитаристы вторглись в Китай, Шанхай был оккупирован, специальные военизированные команды грабили город, реквизировали «для военных нужд» изделия из цветных металлов, вплоть до дверных ручек и медных кастрюль. Одна из таких команд сняла с постамента и отравила на переплавку и бронзовый бюст поэта...

Второе открытие памятника состоялось лишь десятилетие спустя, в 1947 году. К этому времени «русский Шанхай» в значительной мере распался: одни эмигранты возвратились на родину, другие, спасаясь от военных передерг и наступающего китайского коммунизма, сошли за лучшее перебраться в Гонконг, в Австралию, США. Однако за восстановление памятника активно выступила значительная часть китайской интеллигенции, и гоминьдановские власти вынуждены были прислушаться к этим требованиям. К сожалению, не сохранилось данных о скульпторе, который создал новый бюст поэта, но работу свою он, по свидетельству Ли Ючжэня, выполнил с мастерством и любовью.

На этот раз памятник украсил Шанхай почти 20 лет, до начала «культурной революции». Толпы хунвейбинов, заполнившие улицы китайских городов, яростно крушили памятники культуры, объявленные «наследием ревизионизма». Вооружившись ломом и кирками, полуграмотные, ослепленные пропагандой ненависти юнцы набросились и на памятник великому русскому поэту. Грохот стоял над площадью, столбы каменной пыли взвивались вверх, редкие прохожие спешили свернуть в окрестные переулки. И только один немолодой, бедно одетый человек, профессор Ли Ючжэнь, стоял неподалеку и, опираясь на палку, молча наблюдал за происходящим. А когда памятник был превращен в груды обломков, он поднял с земли кусок гранита и, завернув его в белый платок, покинул площадь...

Разумеется, мутные волны «культурной революции» не могли обойти стороной ученого, который не скрывал ни своих либеральных воззрений, ни симпатий к России. В его биографии немало трагических страниц: тут и публичное шельмование, и рабский труд в «лагере перевоспитания» (так называемой «школе 7 мая»). Но и в самые трудные периоды жизни ученый старался не оставлять любимого дела: переводил Пушкина, продолжал исследование его творчества, высвечивая подчас такие факты, о которых не знают, пожалуй, и иные наши любители пушкинской поэзии. Многим ли известно, например, что Пушкин интересовался Китаем и не раз беседовал об этой стране с Н.Бичуриним (1777 - 1853), выпускником Казанской духовной академии, крупнейшим в ту пору русским ученым-китаеведом, который 14 лет был главой духовной миссии в Пекине, а в 1835 году открыл в Кяхте училище для детей местных купцов, где впервые в России изучался китайский язык. Выпускники этого училища многое сделали для исследования Китая.

Я знал, верил: рано или поздно хунвейбины уйдут в прошлое, как дурной и страшный сон, - говорит Ли Ючжэнь. - И когда этот день настал, когда мэрия Шанхая решила восстановить памятник Пушкину, я по просьбе мэра охотно встретился с нашими молодыми, но уже известными в городе скульпторами Ци Чжигуном и Гао Юньлуном. Они никогда не были в России, не знают русского языка, и я первый познакомил их с чарующей музыкой пушкинского стиха. Вручил им копию пушкинского портрета кисти Тропинина, чтобы дать представление о внешности поэта, передал и кусок гранита, поднятый когда-то на площади. Передал, разумеется, с напутствием: «Постамент памятника был сделан из этого камня. На нем были выбиты иероглифы: «Русский поэт Александр Сергеевич Пушкин. 1799 - 1837». Высота постамента составляла 4 метра, к нему вели три ступени. Постарайтесь все восстановить в точности...»

Он помолчал и закончил: - И они, как видите, выполнили свою работу «на отлично», Пушкин вновь с нами. Будем надеяться, что навсегда...

**Юрий КОРНИЛОВ
Шанхай - Москва**

Из мемуарной и художественной литературы мы многое знаем теперь о «русском Париже» и «русском Берлине», но, к сожалению, почти никому неизвестно о «русском Шанхае». А ведь здесь, у берегов Восточно-Китайского моря, на протяжении десятилетий жили тысячи и тысячи россиян. Именно в Шанхае известный колчаковский генерал М.Дитерихс, объявленный в 1922 году Верховным правителем Приморья, разрабатывал намеревшееся в свое время «Обращение к белой русской эмиграции всего мира», призывая сплотить ряды для антибольшевистского похода. Там, в Шанхае, проводил офицерские смотры атаман Г.Семенов, возведенный в ранг генерал-лейтенанта, монгольского князя и китайского мандарина 1-го класса. В городе издавались русскоязычные газеты «Шанхайская заря», «Прожектор», «Актив», плыл над улицами звон колоколов православной церкви. В концертных залах звучал могучий бас приезжавшего на гастроли Шаляпина, в ресторане «Ренессанс» пел, протягивая к людям тонкие белые руки, Александр Вертинский: «Рождество в стране моей родной, дет-

